

27 Янв 1980

КАЛИНИНСКАЯ ПРАВДА

К 120-летию
со дня рождения
А. П. Чехова

В ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ

В ПЕРВЫЕ Антон Павлович Чехов побывал в Тверской губернии летом 1895 года и провел здесь не больше 6—7 дней, но впечатления от этой поездки вскоре получили яркое поэтическое отражение в его пьесе «Чайка», над которой он в тот год работал.

О поездке в Тверскую губернию мы узнаем из его писем. 5 июля 1895 года из имени Турчаниновых Горка, находившегося на берегу озера Островное Вышневолоцкого уезда, Чехов написал два письма — Н. А. Лейкину и А. С. Суворину. В первом из них он писал: «Я все сидел дома, ходил за розами, навещал на сенокос, не зная, куда направить стопы свои, и склоняя стрелу сердца своего то к северу, то к югу, как вдруг — трах! Пришла телеграмма, и я очутился на берегу одного из озер в 70—90 верстах от ст. Бологое. Проживу я здесь неделю или полторы и поеду назад в Лопасню».

Во втором, прося Суворина написать или телеграфировать ему по адресу: ст. Тройца Рыбинско-Бологовской дороги, Чехов сообщал: «Сюда я только что приехал и располагаюсь в двухэтажном доме, вновь срубленном из старого леса, на берегу озера. Вызвали меня сюда к больному. Вернусь я домой, вероятно, дней через пять, но если напишите мне, то я успею получить. Имени Турчаниновой».

Холодно. Местность болотистая. Пахнет половцами и печенегами...».

12 июля Чехов был уже в Петербурге, о чем мы узнаем из его письма к И. И. Горбунову-Посадову.

Больной, о котором упоминает Чехов, был его друг, художник И. И. Левитан. Летом 1895 года Левитан с художницей С. П. Кувшинниковой нанял дачу на озере Островном, в поместье Ушаковых Островно. В то же время из Петербурга приехала в Горку с дву-

мя дочерьми жена владельца этого имени А. Н. Турчанинова, молодая светская дама, которая, познакомившись по соседству с Левитаном, увлеклась им, и между ней и С. П. Кувшинниковой началась из-за Левитана борьба. Мелодраматическое событие это усложнилось еще и тем, что одна из дочерей Турчаниновой тоже увлеклась художником, и Левитан в связи с этим испытал неприятные передраги и даже пытался покончить с собой. Обо всем этом мы находим живой, не лишённый юмора рассказ Т. Л. Щепкиной-Куперник, бывшей в дружеских отношениях и с Чеховым и с Левитаном: «Второе лето по приезду в Москву я провела с С. П. и Левитаном. Они сняли старинное имение у обедневших помещиков, в очень красивой местности на озерах — недалеко от Вышнего Волочка и Мсты — и С. П. пригласила меня с моей приятельницей Наташей пожить у нее... Жилось мне там очень хорошо...»

Иногда к нам ездили соседи, иногда мы к ним: неподалеку была усадьба Владимира Николаевича Давыдова (известный актер столичных театров), который жил там с семьей. А в верстах 20-ти жил приятель С. П., артист Большого театра, тенор Донской...

Идиллия нашей жизни к середине лета нарушалась приездом соседей — семьи видного петербургского чиновника, имевшего там усадьбу. Они, узнав, что рядом живет такая «знаменитость», как Левитан, поспешили сделать визит Софье Петровне — и знакомство завязалось. Это были мать и две очаровательные дочки, девушки наших лет. Мать была лет Софьи Петровны, но очень заботившаяся о своей внешности, с подведенными глазами, с накрашенными губами, в изящных корсетных туалетах, с выдержкой и грацией настоящей петербургской кокетки. (Мне она

всегда представлялась женой Лаврецкого из «Дворянского гнезда»). И вот завязалась борьба... Мы, младшие, продолжали свою полудетскую жизнь, катались по озеру, пели, гуляли, — а на наших глазах разыгрывалась драма. Левитан хмурился, все чаще пропадал со своей Вестой на охоте, Софья Петровна ходила с пылающим лицом, а иногда и с заплаканными глазами... Нам было жаль ее, но с бессознательной жестокостью юности мы удивлялись, что в такие годы можно любить... и говорили пресерьезно, что когда нам минет 40 лет — мы... или умрем, или — уйдем в монастырь!»

Разумеется, в «Чайке» нельзя искать прямого отражения этих событий, — не такой Чехов был художник, чтобы переносить в произведение явления и факты жизни без глубокой творческой переработки. Нельзя не учитывать и того, что, хотя Чехов вплотную приступил к работе над пьесой после своего пребывания на озере Островном, первоначальный замысел ее относится к весне 1895 года; вторых, в сюжетных положениях главных действующих лиц пьесы — Аркадиной, Тригорина, Нины и Треплева, — как убедительно показали это Ю. Соболев и В. Ермилов, имеется и отблеск истории романа близких Чехову писателя И. Н. Потапенко и Л. С. Мизиновой.

Однако и элементов тверских впечатлений Чехова в «Чайке» немало. В самом тексте пьесы имеется упоминание о том, что изображаемые события происходят в Тверской губернии. Так, во втором действии брат Аркадиной Сорин, говоря о настроении Нины, замечает: «У нас радость! Отец и мачеха уехали в Тверь, и мы теперь свободны на целых три дня».

Несомненно, что пейзаж и особенно вид на озеро, занимающий такое важное место

НА СНИМКЕ: книги А. П. Чехова на многих языках народов мира. (Фотохроника ТАСС).

в пьесе, подказан Чехову его пребыванием в Горке.

Вторично Чехов посетил Тверскую губернию через год, видимо, в середине июля 1896 года, и несколько дней провел на даче Суворина, близ станции Максатиха. В письме из Мелихова 11 июля 1896 года Чехов писал Суворину: «Если Вы задумаете уехать куда-нибудь из Максатихи, то дайте знать, а то я,

пожалуй, нагрюну, когда Вас не будет дома». 27 июля, побывав у Суворина, Чехов в письме к нему говорит о своих дорожных впечатлениях на обратном пути: «От Максатихи до Рыбинска одна сплошная скука, особенно в жару».

(Очерк из книги Н. П. Павлова «Русские писатели в нашем крае»).